

Шабаров Иван Александрович,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
ivan-shabarov@mail.ru

**Исполнения приказа или распоряжения как обстоятельство,
исключающее преступность деяния:
актуальные вопросы применения**

В данной статье рассматривается вопрос о необходимости дополнения уголовного законодательства концептуальными нормоположениями, в которых должны раскрываться общее понятие и признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: теория, понятия и основы уголовного права, право наказывать, исправление нарушителя.

Shabarov Ivan Aleksandrovich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

**Execution of orders or instructions as a circumstance
excluding criminality of an act: actual issues of application**

This article discusses the issue of the need to supplement the criminal law with conceptual regulations, which should disclose the general concept and signs of circumstances precluding the criminality of the act.

Keywords: theory, concepts and foundations of criminal law, the right to punish, the correction of the offender.

В контексте ст. 42 УК РФ, т. е. исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, под приказом или распоряжением следует понимать основанное на законе или ином нормативном акте обязательное для исполнения требование к определенному лицу или группе лиц о совершении либо не совершении определенных действий, исходящее от органа государственной власти или лица, обладающего властными полномочиями [1].

Под составом исполнения приказа или распоряжения следует понимать дифференцированный юридический факт-состояние, представляющий собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих признаков, характеризующих объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону, наличие которых образует правовое основание исключения уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения.

Объективную сторону исполнения приказа или распоряжения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, составляют условия правомерности действия (бездействия) лица, исполняющего приказ или распоряжение. Исполнитель причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам при исполнении приказа или распоряжения, которые являются законными, либо содержание которых он воспринимает как соответствующие законным, либо заведомо незаконного приказа. При этом действия (бездействия) исполнителя всегда соответствуют предписаниям соответствующего приказа или распоряжения [2].

С субъективной стороны характеристика исполнения приказа или распоряжения несколько более сложная. Вина при исполнении приказа или распоряжения, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, выражается в том, что лицо осознает внешнюю правомерность приказа или распоряжения. Если лицо причинило вред правоохраняемым интересам при исполнении законного приказа или распоряжения, то оно подлежит уголовной ответственности только в случае умышленного превышения пределов приказа. Поскольку в законе не предусмотрен специальный состав за умышленное превышение пределов исполнения законного приказа или распоряжения, то ответственность в этом случае должна наступать на общих основаниях.

Правовая природа всех обстоятельств, претендующих на включение в гл. 8 УК РФ, должна определяться общими существенными свойствами необходимой обороны и крайней необходимости: соответствующее деяние правомерно – оно не противоречит уголовному закону, а прямо вытекает из его управомочивающих норм; поскольку закон презюмирует полезность либо нейтральность прямо разрешенного и тем более предписанного правом поведения, то правомерное деяние не может по сути своей быть общественно опасным. Таким образом, общественная опасность регулируемых гл. 8 УК РФ форм человеческого поведения устраняется их правовой разрешенностью, дозволенностью, правомерностью; совершение деяний, описанных гл. 8 УК РФ, должно преследовать социально полезные цели, или же (во всяком случае) такие деяния должны быть социально приемлемыми, терпимыми, переносимыми обществом.

Отсюда импонирует позиция тех ученых, которые при исследовании сущности деяний, регламентированных гл. 8 УК РФ, обращают внимание на прямую дозволенность уголовным законом и на их регламентацию управомочивающими (дозволительными) нормами, которые «предоставляют субъектам возможность определенного поведения, гарантированного юридическими обязанностями других лиц и авторитетом государства».

Однако общественно опасное поведение либо отражается правом в качестве порицаемого, либо лежит за пределами сферы права, но в любом случае такое поведение всегда находится «вне закона», т. е. вне его дозволений, на использовании которых основывается позитивная творческая правовая активность граждан и которые регулируют большинство фактически складывающихся будничных, текущих правоотношений.

Следовательно, будучи очевидно правомерным поведением, основанным на реализации субъективных прав, закрепленных в управомочивающих нормах уголовного права (ст. 37–39, 41 УК РФ), анализируемые деяния лишены и признака общественной опасности. «Действующая формулировка названия гл. 8 УК РФ... позволила объединить в себе различные по социально-правовой сущности обстоятельства». Поэтому те деяния, регламентация которых содержится в ст. 40, 42 гл. 8 УК РФ, нельзя признать социально полезными либо даже социально приемлемыми и правомерными. Причина исключения их преступности не в отсутствии у них свойства общественной опасности и противоправности, а прежде всего в отсутствии вины лиц, данные деяния совершающих [3].

Исполнение приказа или распоряжения отличается от других видов обстоятельств, исключающих преступность деяния основанием (причинение вреда исполнителем приказа или распоряжения не зависит от наличия какой-либо угрозы правоохраняемым интересам), целью (реализация заключенных в приказе или распоряжении предписаний), объектом причинения вреда (вред может быть причинен любым охраняемым уголовным законом интересам), отсутствием ограничения степени и характера причиняемого вреда [4].

В целом, развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, является постоянным процессом. Не ставя во главу угла анализ всех предложений о дополнении законодательного перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния в гл. 8 отечественного УК РФ новыми деяниями, следует высказать поддержку вполне рациональным предложениям о дополнении названной главы концептуальными нормоположениями, в которых должны раскрываться общее понятие и признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Как представляется, эти положения должны быть своего рода требованиями при проведении возможных правотворческих работ, направленных на ревизию имеющихся и дополнение потенциальных обстоятельств, исключающих преступность деяния в гл. 8 Общей части УК РФ [5]. Целесообразным видится и установление (в рамках базовых общих норм главы) правила о разрешении конкуренции между различными обстоятельствами, исключающими преступность деяния в пользу применения правил о соблюдении пределов того из них, которое максимально полно учитывает интересы лица, причиняющего вред.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Веселов Е. Г. Идея псевдопреступления как теоретическая основа системы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Юрист-Правоведь. 2019. № 5. С. 38–41.
3. Журавлев М. К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное право. 2017. № 1. С. 27–28.

4. Никуленко А. В. Об обоснованности включения в УК России новых обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (55). С. 88–92.

5. Малько А. В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2015. № 2. С. 21–24.

УДК 343.13

Шутов Иван Владимирович,

аспирант, Костромской государственной университет,

г. Кострома, Российская Федерация

vanez13@mail.ru

**Процессуальная самостоятельность следователя
на стадии предварительного расследования
в соотношении с процессуальным контролем руководителя
следственного органа и прокурорским надзором**

В статье рассматривается вопрос процессуальной самостоятельности следователя. Автор отмечает полную зависимость следователя от решений руководителя следственного органа на стадии предварительного расследования. Предлагается обязать руководителя следственного органа выносить мотивированное постановление в случае несогласия с действиями следователя, а также регламентировать на законодательном уровне полномочия, связанные с обжалованием решений и действий, осуществляемых руководителем следственного органа и прокурором.

***Ключевые слова:** предварительное расследование, процессуальная самостоятельность следователя, процессуальный контроль.*

Shutov Ivan Vladimirovich,

postgraduate student, Kostroma State University,

Kostroma, Russian Federation

**Procedural independence of the investigator at the stage of preliminary
investigation in relation to the procedural control of the head
of the investigative body and prosecutor's supervision**

The article deals with the issue of procedural independence of the investigator. The author notes the complete dependence of the investigator on the decisions of the head of the investigative body at the stage of preliminary investigation. It is proposed to oblige the head of the investigative body to make a reasoned decision in case of disagreement with the actions of the investigator, as well as to regulate at the legislative level the powers related to appealing decisions and actions carried out by the head of the investigative body and the prosecutor.

***Keywords:** preliminary investigation, procedural independence of the investigator, procedural control.*